

Lev VINOCOUR In V. Kunde's special piano class

Лев ВИНОКУР В классе специального фортепиано В. Я. Кунде

Судьбе было угодно отправить меня в Афины в марте 1990 года, и я не успел вернуться к церемонии прощания с Валентиной Яковлевной. Возможно, поэтому сохранил ее в памяти исполненной жизни и решительной энергии, всегда в движении к ясно сформулированным целям, со всеми нашими конфликтами, примирениями и достижениями. Вот и сейчас, весной 2017 года, меня переполняют чувства и мысли: так хочется рассказать все, кажущееся важным, не забыть ничего... Как же это нелегко! С чего начать?

Начну с самого главного — музыки, того, чему я начал учиться осенью 1976 года, чему я продолжаю учиться и сегодня, 40 лет спустя.

Впервые я переступил порог школы-десятилетки при Ленинградской консерватории вечером в субботу, 4 декабря 1976 года, когда меня привели прослушиваться на предмет возможного в ней обучения. Как выяснилось после, идея эта принадлежала самой Валентине Яковлевне, знавшей о моем существовании и предложившей раз и навсегда решить вопрос о моей «профессиональной пригодности». Ответ был, по-видимому, положительным, так что сразу после новогодних праздников меня зачислили в подготовительную группу, которую тогда вела Нина Николаевна Перунова.

А в мае 1977 года на приемном экзамене я уже бойко сыграл 6 вариаций Кулау и пару этюдов. Как сейчас помню директорский кабинет, освещенный лампой под зеленым стеклянным абажуром, стоявшей на столе, за которым председательствовал П. А. Россоловский. Расположившись справа от него, сидела Валентина Яковлевна и улыбалась, подперев подбородок рукой...

Первый год в школе прошел в тихой ежедневной работе, состоявшей в освоении профессиональных навыков, не абстрактно ремесленных, но основанных

The pianist Lev Vinokur (graduated from the Secondary Special Music School in 1988) talks about studying at Valentina Kunde's class. L. A. Vinocour is an award winner of international competitions and is well-known in Russia and abroad for his unique performance projects and as a researcher and editor of R. Schumann's works.

Keywords: V. Y. Kunde, Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory, L. A. Vinocour, N. N. Perunova, P. A. Rossolovsky, I. L. Etigon, Y. N. Kurganov, N. F. Ushakova, V. V. Mischouk.

О своем обучении в классе Валентины Яковлевны Кунде вспоминает пианист Лев Винокур (выпускник школы-десятилетки 1988 года). Л. А. Винокур — лауреат международных конкурсов, известен в России и за рубежом своими уникальными исполнительскими проектами, а также как исследователь творчества Р. Шумана, редактор его сочинений.

Ключевые слова: В. Я. Кунде, школа-десятилетка Ленинградской консерватории, Л. А. Винокур, Н. Н. Перунова, П. А. Россоловский, И. Л. Этигон, Ю. Н. Курганов, Н. Ф. Ушакова, В. В. Мищук.

на традициях Петербургской — Ленинградской фортепианной школы. Будучи ученицей О. К. Калантаровой (1877–1952), которая, в свою очередь, была ассистентом и близким другом А. Н. Есиповой (они даже совместно похоронены в некрополе Александро-Невской лавры), Валентина Яковлевна придавала большое значение отточенной пальцевой технике, обеспечивающей яркую рельефность, тембровое разнообразие исполнения и в конце концов позволяющей проникнуть в самую сущность исполняемого. Однако как человек, способный судить гибко и объективно, она никогда не возводила в догму то, что считала правильным, готова была разрешить и поддержать разнообразные отклонения и новшества. «У меня школа живая. Если начать записывать то, что я говорю, она окостенеет. Этого я не хочу!» — помнится, было ответом на вопросы слушателей факультета повышения квалификации, посещавших наши уроки. И все же, каковы были принципы школы Валентины Яковлевны?

Много внимания уделялось целесообразной посадке и постановке рук. Садясь к роялю, ученик должен был поставить стул так далеко от него, чтобы нога касалась педали только пальцами. Для игры, таким образом, приходилось слегка наклоняться вперед. От такого наклона руки округляются настолько, что все движения становятся сами собой удобными и, что немаловажно, красивыми для публики. Ни в коем случае не разрешалось играть развалившись, прислонившись к спинке стула, с локтями, прижатыми к телу или торчащими из-за слишком близкой посадки в стороны. Положение ладони должно было быть таким, словно рука охватывает мячик. Пальцы следовало держать слегка закругленными, но только не скрюченными (особенно четвертый и пятый пальцы)! Опускать палец на клавишу надо было

В. Я. Кунде, Л. Винокур, В. С. Федосеева

перпендикулярно, как молоточек, при этом не надавливать вниз, но как бы прокалывать сначала «клюковку». Очень важно, чтобы рука не «помогала» пальцам толчками, а локоть — тряской. Играть упражнения следовало каждый день, но прекращать, как только чувствовалась усталость. Занятия при утомленном состоянии рук, вместо того чтобы укреплять, ослабляют их!

Ценилась не продолжительность, а осознанность, точность занятий, строгий слуховой контроль и ритмическая дисциплина. Валентина Яковлевна очень заботилась о том, чтобы руки не были напряжены ни в локте, ни в кисти. Чтоб избежать подобного напряжения, она учила играть с полным участием всей руки от плеча и с мягкими дугообразными движениями кисти. Валентина Яковлевна не разрешала «лупить по роялю», так как ноты, взятые ударом сверху, всегда звучат резко и коротко. «Положи руку на клавиши и веди ее так, будто вдвигаешь ящик в стол», — этот прием действует всегда, звук получается полноценным, глубоким и мягким. Валентина Яковлевна не прощала грубости, «колотьбы», как она называла не столько чрезмерную силу удара, сколько утрату чувства меры, когда стираются логичные пропорции между звуками. «Опять дерешься с роялем», — говорила она в таких случаях. Все технические средства должны были стоять на службе художественных намерений. «Пальцы должны петь», — учила она. Прежде чем извлечь звук, нужно было себе его представить, прочувствовать внутренним слухом, а на следующем этапе учиться связывать звуки один с другим — так нам преподавались законы динамики. Валентина Яковлевна не любила короткого дыхания, мелких штрихов и оттенков, дробящих фразу. Изредка, будучи сама раздражена, она могла и прошипеть: «Как же можно так коротко мыслить?» Агогика, как и динамика, служили для нахождения сходства между фортепианной игрой и живой человеческой речью. «Невозможно сыграть пьесу от начала до конца в одном темпе, даже если это эту»

Черни; надо разнообразить движение, чтобы осознать смысл музыки», — говорила она. Ритм — составляющая дарования, а играть ритмично — ни в коем случае не означает играть «под метроном». К этому аппарату, кстати, Валентина Яковлевна относилась без уважения и не рекомендовала им без абсолютной необходимости пользоваться. Еще мне хотелось бы сказать пару слов о педализации, искусстве неточном, зачастую не объяснимом словами. Понимая именно это, Валентина Яковлевна учила нас тому, что могло показаться парадоксом: «Бери педаль ушами!» Главной задачей было работать обдуманно, сознательно относиться к повседневному труду на любой стадии работы. «Заниматься с головой и ушами» — таков был девиз Валентины Яковлевны.

Уже во втором классе я сыграл три части из английской сюиты ля минор Баха на отчетном концерте младших классов в декабре 1978 настолько удачно, что меня в марте 1979 года выпустили играть в Малый зал филармонии (сюиту «Тараканище» Иршаи). В том же зале мне вскоре довелось выступить еще раз, но только совершенно случайно! Была суббота, 8 декабря 1979, я отсидел пять уроков в школе на четвертом этаже и спустился в 26-й класс в четверть третьего на специальность. Валентина Яковлевна отсела к окну и велела мне играть «как на концерте». Не усмотрев за этим никакого подвоха, я довольно гладко сыграл две «Сказки старой бабушки» Прокофьева и какую-то виртуозную пьесу Слонимского и посмотрел направо. В этот момент мне объявили, что в 16 часов начинается отчетный концерт, но один из тех, кто должен был выступать в первом отделении, заболел, что играть буду я, и единственная побрякка состоит в том, что я смогу выйти на сцену во втором отделении, а значит, есть еще время поесть и переодеться! Белую поглаженную пионерскую рубашку мне привез отец прямо в артистическую, где я умудрился умыться в расколотой раковине, а до этого, по дороге из школы в филармонию, мы заехали в «Минутку» на Невском, 20 (Валентина Яковлевна очень любила это заведение) и «шикарно» пообедали! Самое удивительное — я вполне приемлемо отыграл свою маленькую программу, так и не успев поволноваться. Это стало бесценным уроком, после которого уже смешно было и говорить о сценическом страхе и тому подобных материях.

В третьем же классе, во время весенних каникул, я впервые выехал за пределы Ленинграда представлять школу на семинаре специальных музыкальных школ Советского Союза в Баку. Профессиональный уровень подобных мероприятий был в то время высочайшим, со своими педагогами в 1980 году приехали второклассники Коля Луганский и Женя Кисин, восьмиклассник Илюша Итин из Свердловска, Миша Лидский из Гнесинской десятилетки и ученица выпускного 11-го класса Анечка Маликова из Ташкента... Программа моя, кажется, состояла из Партиты соль мажор И. С. Баха, двух «Песен без слов» и «Рондо-каприччиозо» Мендельсона и трех прелюдий Караева (как же много мы играли тогда советской, то есть современной, музыки!)

В марте 1984 года состоялось мое выступление с оркестром в Большом зале филармонии. Не скрою, мне лестно упоминать Заслуженный коллектив Республики Академический симфонический оркестр Ленинградской филармонии в своей биографии под рубрикой «дебют», тем более что это выступление (Второй концерт для фортепиано с оркестром Шостаковича) стало моим первым настоящим успехом, достигнутым под руководством Валентины Яковлевны.

ССМШ отмечала свой 50-летний юбилей, когда я учился в девятом классе. Сейчас уже трудно себе представить, какие возмущение и зависть сотрясали воздух, когда выяснилось, что мне придется играть аж на трех юбилейных концертах: в Большом зале филармонии, 17 декабря 1986 года, в Московской ЦМШ и с оркестром в Воронеже. Мало того, на тех же торжествах первую часть Второго концерта Рахманинова с оркестром должен был играть Володя Мищук. Бедная Валентина Яковлевна! Коллеги были готовы просто растерзать ее. Решение, разрядившее предгрозовое напряжение, было простым и гениальным: Валентина Яковлевна объявила, что снимает обе наши кандидатуры, пусть играют другие, вероятно, более достойные. Через некоторое время по результатам многочисленных прослушиваний и методических совещаний выяснилось, что играть придется все же нам с Владимиром Валерьевичем. Спокойствие было восстановлено, гроза прошла... Вот какой был стратегический талант!

Из 10-го класса мне вспоминается трагикомическая и столь характерная для того времени история. В мае 1987 года мы ездили с группой школьников в ГДР по линии знаменитого «безвалютного обмена» со специальной музыкальной школой при Лейпцигской консерватории в городе Халле. Валентина Яковлевна не хотела никаких подарков и сувениров кроме ванильной эссенции или порошка (в СССР, помимо прочих, не было и этих незамысловатых продуктов). Успех поездки был велик, но удачное приобретение ванили сделало его просто колоссальным. И вот мы погрузились вечером, 2 июня 1987 года, в фирменный поезд под названием «Ленинград-экспресс», чтобы вернуться из Берлина домой. Увы, по давнишней традиции, при пересечении государственной границы СССР по железной дороге всех нас заставили выйти из вагонов, и, пока под ними заменяли колеса (напомню, по приказу императора Николая I российские железные дороги построены почти на 9 см шире западноевропейских), внутри проходил досмотр багажа. Мне не повезло: таможенница оказалась страстной кулинаркой и ваниль конфисковала. О горе мне, горе! По возвращении в Ленинград мы могли лишь посмеяться над происшедшим, но как же это трудно, учить и учиться высокому и вечному, испытывая в то же время недостаток самого простого и примитивного!

11-й класс был годом напряженным, но достаточно успешным. В ноябре 1987 года мы с классом пианистов Валентины Яковлевны и классом скрипачей Ирины Львовны Этигон ездили выступать в Горьковскую фи-

лармонию, где я играл Первый фортепианный концерт Чайковского. Вот уж наслушались мы тогда лихих и веселых рассказов о школьных годах «Кундихи» и «Этигонши», как они сами себя называли. Лишь потом я осознал, что речь тогда шла именно о страшной эпохе второй половины 1930-х!

А в марте-апреле 1988 года мы снова совершили совместное путешествие: в этот раз на юношеский конкурс пианистов СССР в Тбилиси с последовавшими затем концертами лауреатов в Ереване и Баку. Это было прекрасной весной, нас возили на пасхальное богослужение армянского католикоса в Эчмиадзин, нас приветствовал на банкете министр культуры Азербайджанской ССР Бюль-Бюль оглы... Я почти уверен, что Валентина Яковлевна была счастлива, довольна моим и своим успехом, окружена заботой тогдашнего директора школы Юрия Николаевича Курганова (нам эта забота была дана в реальных ощущениях, в виде отдельных гостиничных номеров, тогда как многих расселили по трое), почетом и уважением коллег, буквально умолявших ее провести больше открытых уроков... Ах, если б это можно было повторить!

Я, помнится, расстроился, когда выяснилось, что у Валентины Яковлевны нет подходящей фотографии для моего выпускного фотоальбома. Как я ни горячился, ни настаивал — увы, ничто не помогло.

Потом я уехал учиться в Москву, но мы еще несколько раз встречались. Например, 21 января, в свой день рождения, Валентина Яковлевна собрала большую компанию, сидевшую за полночь, был роскошный стол, где-то удалось раздобыть ваниль! Пили за здоровье: до ста лет, до ста двадцати... А оставалось ей чуть меньше двух месяцев.

В самый последний раз видел я Валентину Яковлевну в середине февраля 1990 года. На студенческие каникулы я приехал в Ленинград и пошел в школу, чтобы позаниматься с ней первой частью соль-мажорной сонаты Чайковского. Это было в четверг, нерабочий день Валентины Яковлевны. Она специально приехала в школу, но на вахте выяснилось, что заниматься нам негде. Несколько обескураженные, мы поднялись на третий этаж, чтобы выяснить, нет ли шанса найти свободный рояль, и с радостью увидели стоящую перед учительской Наталью Федоровну Ушакову, к которой Валентина Яковлевна обратилась с вопросом: «Наташенька! А сколько Вы еще будете курить?» И услышала в ответ: «А что? Валентина Яковлевна, если нужно, я могу и до вечера...» Так мы оказались в 25-м классе, за стареньким роялем «Рёниш»... Это было, увы, конечным пунктом пути, пройденного нами совместно, а дальше — тишина.

Однажды Ц. А. Кюи, посетив Франца Листа в Вейма-ре, восхищенно отметил, что тот не навязывает ученикам свои идеи, а дает им развиваться самостоятельно, в пределах правды и вкуса. Это наблюдение Кюи, отразившее по сути один из важнейших критериев образа идеального педагога, является самым точным описанием работы или, точнее, педагогического творчества Валентины Яковлевны Кунде.